

ГЕОРГИЙ ЖУКОВ: вера, чудеса и изгнание в жизни маршала Победы

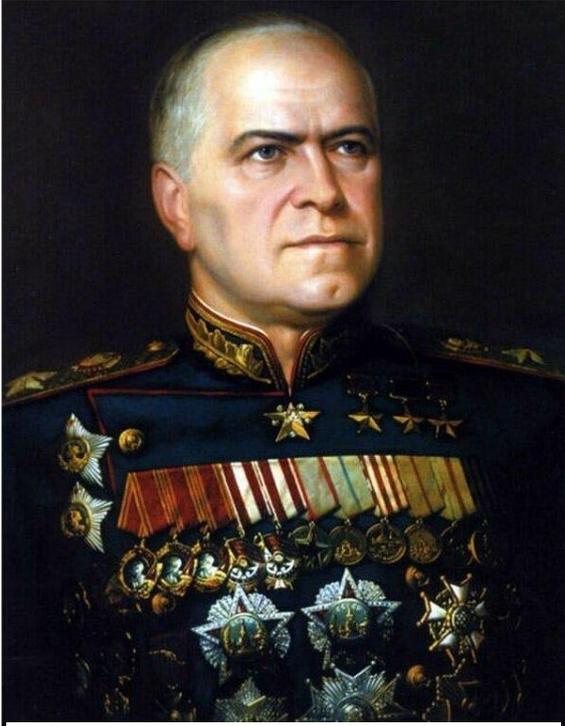

Фото: <https://market.yandex.ru/product--poster-na-kholste-zhukov-georgii-2-40sm-x-52sm/1402504448>

Маршал Победы, «русский Георгий Победоносец», легендарный военачальник Великой Отечественной — таким вошел Жуков в историю. Но ни один, даже великий, художник не бывает гением изо дня в день, бессмертные шедевры он создает лишь в минуты вдохновения. Вот и в «таинственной мастерской Господа Бога», как называл историю Гёте, великие мгновения редки. Таким звездным часом стала для Жукова война с фашизмом. И вся его жизнь до нее была лишь подготовкой, а после — платой за ошибки, покаянием и путем к Богу.

Полководец по благословию

Собственно, православным он был от рождения — а как иначе? В русских деревнях до 1917 года детей крестили в младенчестве, учили в церковноприходских школах и в храм водили не только по великим праздникам. Да и потом, в Москве, дядя-скорняк, у которого Егор Жуков учился ремеслу, по субботам и воскресеньям водил всех мальчишек-подмастерьев в ближний храм святого Георгия на Большой Дмитровке, а по большим праздникам — в Кремль, в Успенский собор, и в храм Христа Спасителя.

Дочери маршала потом рассказывали, что и их в детстве крестили, а «отец, выросший в деревне, знал и отмечал православные праздники — Пасху, Троицу, Рождество Христово и другие. Он помнил их с детства и не мог им не радоваться». И это министр обороны СССР, член Президиума ЦК КПСС, депутат Верховного Совета — коммунист, то есть вроде бы по определению атеист!

Как удивились бы, наверное, знавшие его таким, если бы им рассказали, что в молодости,

уже красным командиром, он ездил в деревню Холмищи, где жил после закрытия Оптиной пустыни последний из великих оптинских старцев Нектарий. И тот благословил воина Георгия на служение Богу, Родине и людям. «Ты будешь сильным полководцем. Учись. Твоя учеба даром не пройдет», — сказал старец, по воспоминаниям Екатерины

Юный Георгий
Константинович в армии
Российской Империи, 1916

Денежкиной, дочери хозяина дома, у которого жил отец Нектарий.

Гранит науки

И он учился. Маршал Баграмян вспоминал об этом: «Мы были молодые, и нам хотелось иногда и развлечься, и погулять, что мы и делали: уходили в город посидеть в ресторане, ходили в театры. Жуков редко принимал участие в наших походах, он сидел над книгами, исследованиями операций Первой мировой войны и других войн, а еще чаще разворачивал большие карты и, читая книги или какие-нибудь тактические разработки, буквально ползал по картам, потому что карты были большие, они не умещались на столе. Он их стелил на пол и вот, передвигаясь на четвереньках, что-то там высматривал и потом сидел, размышляя, нахмутив лоб. И случалось нередко так: мы возвращались после очередной вылазки, а он все еще сидел на полу, уткнувшись в эти свои карты».

Эта одержимость самообразованием была у него всю жизнь. Еще учась в Москве у дяди, Егор экономил копейки, покупал книги и читал их по ночам, а еще закончил вечерние общеобразовательные курсы, которые давали образование в объеме городского училища. Михаил Булгаков, случайно познакомившись с Жуковым в 1920-е годы, назвал его

«книгочеем».

Когда смерть не берет...

Связь маршала Победы с его духовным покровителем была очевидна, ведь даже первый акт о безоговорочной капитуляции представители немецкого командования подписали в Реймсе 6 мая 1945 года (точнее – 7 мая – прим. ред.) — в день памяти святого великомученика Георгия Победоносца,

Подписание акта о капитуляции в пригороде Берлина, 9 мая 1945. Советскую делегацию возглавляет Г. Жуков.

совпавший в тот год с православной Пасхой.

Жуков вообще был явно храним Богом. В детстве он вполне мог замерзнуть в сугробе, когда шел домой из церковноприходской школы в метель через лес, но его вовремя нашел отец. В 15 лет он мог погибнуть на пожаре, когда бросился в чужую горящую избу спасти больную старуху и детей. Его могли убить на Первой мировой, ведь два свои Георгиевских креста он получил «за выдающиеся подвиги храбрости и самоотвержения, против неприятеля в бою оказанные», а значит, с риском для жизни.

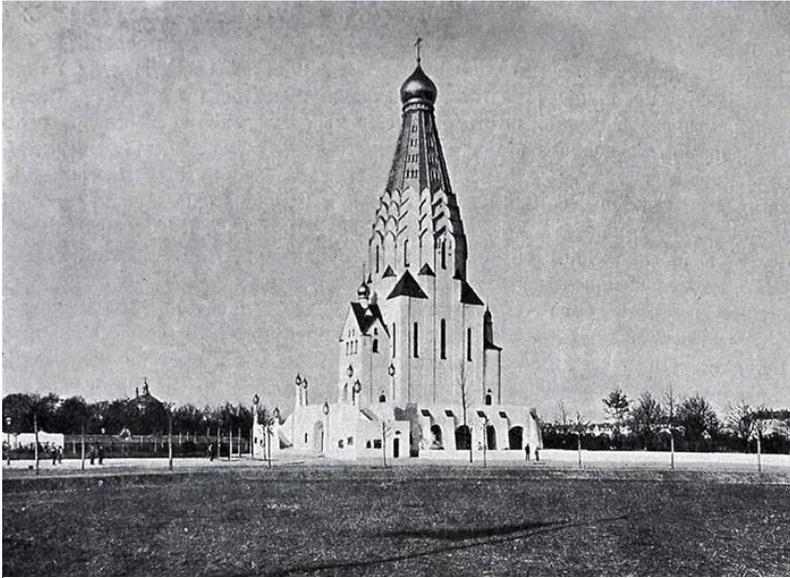
В 1918 году Жуков дважды болел тифом — сначала сыпным, затем возвратным, в 1936-м перенес тяжелейший бруцеллез, от которого чуть

чудом избежал ареста. А уж во время Великой Отечественной... В 1941-м по пути в Ленинград его самолет атаквали «мессершмитты». А осенью под Москвой машина командующего напоролась на немцев — еле ушли. Однажды его засыпало землей после взрыва снаряда, хорошо вовремя отрыли... А на Курской дуге, на передовой, где он на месте «изучал» направление главного удара, его чудом не накрыло миной, разорвавшейся в нескольких метрах, — отделался контузией.

И только особой Божией помощью можно объяснить, как во время подготовки контрнаступления под Москвой он мог не спать одиннадцать суток подряд — человеческому организму, даже очень крепкому, такое не под силу.

Лампада маршала

Духовная жизнь, тем более духовная жизнь полководцев, скрыта от глаз. Мало кто знает, что непобедимый Суворов собирался окончить свой путь в монастыре, о чем подавал прошение государю, а перед смертью написал покаянный канон. Вот и о том, что происходило в душе у маршала Победы, не знали даже его близкие. Но в народе до сих пор хранится предание о том, что

Храм-памятник русской военной славы в Лейпциге

Жуков возил по фронтам Казанскую икону Божией Матери. И в середине 1990-х архимандрит Иоанн (Крестьянкин) это подтвердил.

Но достоверно известно, что сразу после войны маршал Жуков, узнав о бедственном положении православного храма-памятника русской военной славы в Лейпциге (построенном в 1913 году в честь столетия «битвы народов», когда русскими, прусскими и австрийскими войсками была разбита армия Наполеона), послал туда саперные бригады. И их работу принимал лично, приехав на открытие храма, и сам возжег в нем лампаду.

Нарастающее всепрощение

Сегодня многие винят Жукова в том, что он «не так воевал», не любил солдат, не ценил их жизни. И уже не вспоминают о том, сколько он сделал для реабилитации невинно осужденных, для возвращения их из тюрем. А Константин Симонов, который встречался с Жуковым в 1950-е годы, потом вспоминал, что тот страстно желал восстановления доброго имени людей, во время войны оказавшихся в плену и осужденных как предатели Родины.

«Труссы, конечно, были, но как можно думать так о нескольких миллионах попавших в плен солдат и офицеров той армии, которая все-таки остановила и разбила немцев?! Что же, они были другими людьми, чем те, которые потом вошли в Берлин? Были из другого теста, хуже,

трусливей?»— возмущался маршал. Он считал своим долгом сделать все, чтобы восстановить справедливость и попорченное достоинство всех честно воевавших. «Видимо, — писал Симонов, — этот вопрос касался каких-то самых сильных и глубоких струн его души».

А ведь Жуков не только вызволил из заключения многих своих сослуживцев, но и простил тех, кто, не выдержав мучений, наговорил на него всяких небылиц. Он говорил о них, вспоминает его старшая дочь Эра: «Эти люди были поставлены в крайние условия, их били и унижали.

Они не ведали, что творили, и я не держу на них зла».

В середине 1960-х провести опального маршала на даче заехал Александр Бучин, бывший у него водителем во время войны. Потом он написал об этой встрече: «Незлобивость, которая всегда была в характере Жукова, начинает прорываться с

Маршал Жуков под Ельней, 1941 г.

годами как чуть ли не христианское смирение. Чудно это было мне... Что особенно удручало — все нарастающее всепрощение».

Что ж, естественная реакция настоящего советского человека. Но главное — непредвзятое свидетельство той глубинной подспудной работы, которая шла в душе Жукова на склоне лет.

Опала — школа смирения

Святые отцы говорят, что, терпя гонения, клевету, поношения и непонимание, христианин идет по стопам Христа. Жуков был единственным маршалом Советского Союза, уволенным в отставку и оказавшимся объектом травли таких масштабов. Он был полностью отстранен не только от армии, но и вообще от какой бы то ни было работы. Он просил Хрущева дать ему любое назначение: он мог командовать округом, возглавить военную академию, или хотя бы стать просто преподавателем. Но ему отвечали: «В настоящее время предоставить Вам работу представляется нецелесообразным».

Мало того, Жукова постоянно контролировали: что говорит, как оценивает внутреннюю и внешнюю политику, не критикует ли руководителей партии и правительства. Его вызывали в ЦК, заставляли давать письменные показания по тому или иному доносу. Председатель комиссии партийного контроля Шверник, вспоминал маршал, «счел уместным пригрозить пальцем: смотри, Жуков, может хуже получиться, не забывай свое положение».

Но Жуков и на склоне лет говорил: «Я всегда чувствовал, что нужен людям, что постоянно им должен». И он начал писать воспоминания о

прожитой жизни. Работу над этой книгой, которую бесконечно отвергали и заставляли переделывать в советских издательствах, можно назвать еще одним его подвигом.

«Все идет к лучшему»

В последние годы опальный маршал превозмогал страшные боли (после инсульта у него был поражен тройничный нерв), но наотрез отказывался от обезболивающих— чтобы не привыкнуть. И терпел. Только иногда замолкал на полуслове. А когда острая боль притуплялась, говорил: «Все идет к лучшему».

Они на склоне лет никогда не сидел без дела: все время что-то мастерил, делал блесны для рыбной ловли, столярничал, даже выкорчевывал пни. У него была большая библиотека, он постоянно что-то читал и младшую дочку заставлял читать классику.

«Оглядываясь назад, человек моего возраста все раскладывает по полкам, — говорил он. — Хорошо ли прожита жизнь? Считаю, что хорошо. Я счастлив, что родился русским человеком. И разделил со своим народом в минувшей войне горечь многих потерь и счастье Победы».

А дочери-девятикласснице как-то сказал: «Я скоро умру, ты останешься сиротой, но с того света я буду наблюдать за тобой и в трудную минуту приду». И по ее признанию, этими словами посеял в ней веру в вечную жизнь души и в невидимую связь нашего мира с миром загробным, и не только в связь, но и в помощь наших усопших родных, в их молитвы о нас. В этих словах не было сомнения, они были сказаны кротко, спокойно, но и со знанием и силой.

***

Жуков прожил словно две жизни: одну — жертвенную, «за други своя», жизнь героя, вторую — полную скорбей, предательств, одиночества, травли, клеветы и болезней.

На одной из последних его фотографий запечатлен удивительно просветленный человек, примирившийся со всеми обстоятельствами жизни, но не сломленный ими. И никто никогда не узнает, что произошло в его душе прежде, чем он стал таким. Претерпевшим до конца...

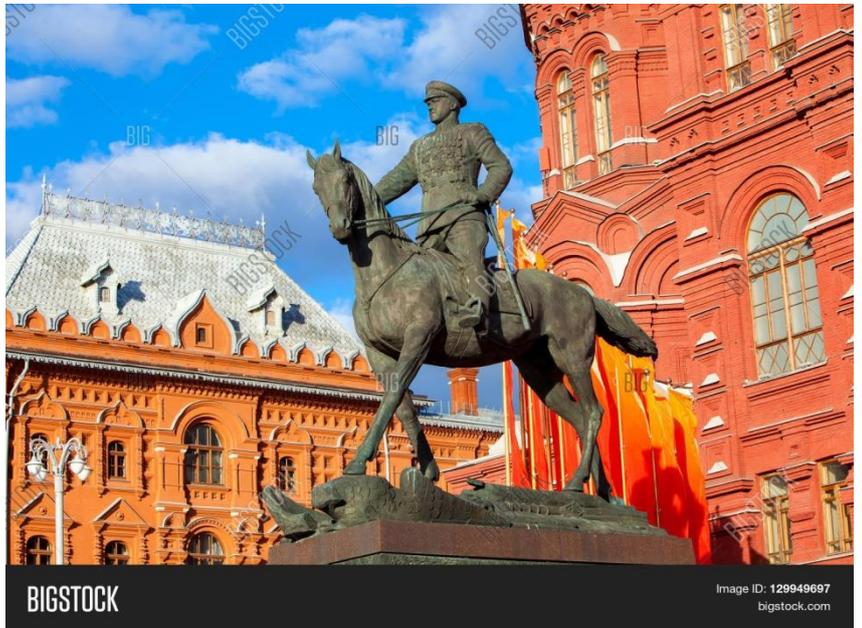

Фото: <https://www.bigstockphoto.com/ru/image-129949697/stock-photo-marshal-zhukov-monument-near-red-square-in-moscow%2C-russia>